

запрещение на книги. Уже в Киево-Печерском патерике сохранились сведения о том, что князь черниговский Никола Святоша имел свои книги (Д. Абрамович, стр. 114), Никита Затворник «прилежаше чтению» (там же, стр. 125), а Григорий «чюдотворец» «ничто же не имеа, разве книг» (там же, стр. 134). В XV в. сборники разнообразного содержания по своему личному вкусу составлял «грешный поп Ефросин», после смерти которого они вошли в монастырскую Кирилло-Белозерскую библиотеку.⁸ Наряду с характерным для него подбором светских литературных произведений в его сборниках отведено место и традиционной религиозно-учительной литературе.

В XVI—XVII вв. организуются большие книжные собрания при Печатном дворе, и в них по-прежнему рядом с потоком новых чисто светских книг находим «четьи» книги религиозно-учительного характера. И на печатный станок эта традиционная книга попадает раньше, чем светская. В рукописных сборниках XVI—XVII вв., владельцами которых, как видно из записей, были разные «мирские» сословия, немалое место отводится произведениям религиозно-учительной письменности. Именно в расчете на основательное знакомство читателей с этой литературой, и даже не только с «четьей», но и «служебной» ее частью, неизвестный автор XVII в. изобразил пьяницу, пародируя литературный образ христианского мученика. Если даже сам автор «Службы кабаку» профессионально знал церковную письменность, то и читатель должен был воспринять его сатирический замысел через припомиравшиеся соответствующие произведения этой письменности.

Так через все средневековье мы можем проследить наличие в круге чтения мирских «четьих» книг того раздела переводных и русских произведений, которые могут быть объединены определением «религиозно-учительные» и которые помимо культовой функции выполняли также роль своего рода научно-популярных пособий. Эти книги обычно имели вид сборников то разнообразного содержания, в том числе и религиозно-учительного, то с тематически подобранным материалом.

Старшим образцом такого сборника был названный выше Изборник 1076 г. — своего рода хрестоматия, где подобраны выписки из самых разнообразных по жанру дидактических сочинений библейской и византийской учительной литературы. Большое число византийских, южнославянских и созданных по их типу древнерусских «поучений-слов» было объединено в широко распространенном до XVII в., а в старообрядческой среде и до нового времени, сборнике, получившем наименование «Измарагд». Число статей в списках Измарагда колеблется от 90 до 250. Из него делали выборки, помещая их среди самых разнообразных произведений; его дополняли текстами учительного характера — переводными и русскими. Более или менее свободно обращались составители и переписчики и с самым изложением отдельных поучений, то сокращая, то расширяя его. Однако во всех разновидностях Измарагда, когда он бытовал именно как своеобразный сборник, повторялась общая основа. В ней содержались главные положения морали феодализованного христианства, которая и была усвоена читателями особенно прочно.

Насколько серьезно древнерусский читатель относился к чтению именно религиозно-учительных сочинений, видно из того, что уже старшему собранию поучений на темы христианской этики, Изборнику 1076 г., предпослано «слово» «некоего калугера о чь [тении] книг»: «Добро есть,

⁸ Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 130—168.